

Судьба

Десять лет лагерей, три побега, четыре судимости - такова судьба томички Таисии Дмитриевны Смирновой. Она же - Заплюшкина Таисия Дмитриевна, Николаева Татьяна Прокопьевна, Смирнова Татьяна Прокопьевна. Первая тюрьма - в 14 лет. А срок - как бы это сравнить с сегодняшним днем - за то, что торговала «Пенси», «Сникерсом» и «Мальборо».

В жизни Таисии Дмитриевны столько неожиданных эпизодов, что вряд ли о них уместно рассказывать автору. Пусть сама она повествует о своей судьбе.

Жили бедно. Отец - дворник, мать выдавала пальто на вешалке в Доме Красной Армии. Кроме меня - две сестры. Хулиганистая была, верховодить любила, одна ко и с голоду помирать ни себе, ни семье не давала. Возле деревянного моста водочка была, я наберу там воды в чайник - и к кинотеатру «Ударник», что возле бывшего облисполкома располагалась. Там в жаркую пору и торговала стаканами: стакан воды - за 20 копеек, а на рубль - досыта. Тут же приторговывала папиросами. «Кальян» и «Пушка» тогда были в моде. «Кальян» поштучно продавала, хорошо шли. За эту свою коммерцию и полагалась.

Пришли за мной прямо в школу. Училась я в 6-м классе, и было это в 1936 году. «Собирайся и расписывайся». Расписалась. Отсюда - прямо в уголовный розыск, рядом с ЦУМОМ тогда располагался. Дали мне 3 года, как «социально вредному элементу». Подержав месяц, перевели в барак по соседству, к репрессированным. А оттуда - в Новосибирск, и судили уже там «как социально опасный элемент». Перед войной освободили.

Но тут со мной грех случился. Схватил ко мне один лейтенант. А соседка Шурика возьми да и скажи ему: «На ком жениться собрался? Она же голая, босая и торемница! К тому же...» И сильно ослепела. Когда Шурика было дома, взяла ее вещи, утащила к речке и утопила. «А голая и босая, и ты такая булеш». Меня посадили на 5 лет. А уже в лагере дали статью 58-14 - «контрреволюционный саботаж». Бежала. Поймали и сослали на Восток, в Находку. Бежала и оттуда. Меня нашли, привезли обратно. Дали второй срок по той же статье 58-14 и отправили на 10 лет на Колыму.

Мут лагерная жизнь разные встречи мне уготовила. По соседству меня в изолятор. Думала, что я - каторжанка. И вот как-то вывели меня в коридор, а мимо идет такая сногосшибательно красивая женщина: волосы курчавые, распущены, статная, в хромовых сапогах. И возьми и затрону меня: «За что сидишь? Я нагрнула ей. А она: «15 суток карьера». Я тогда уже реинди-висткой считалась, много судимостей было. Но из карьера выпустили, там как-то узнали, что я не каторжанка.

Выпустить-то выпустили, а я к начальнице не иду. Нарядчика меня за руку и прямо в кабинет: «Прощу, мадам...» И что же я вижу? В кабинете та самая красивая женщина - начальница МАГЛАГА Гридасова, жена генерала Никишова, начальница «Дальстроя». А у ней много слышала. И вот чувствую, поругивает она меня, а сама как-то сочувствует. На поруки она меня взяла. И всю жизнь я эту женщину помнить буду.

Но тут я узнаю, что ожидается освобождение группы заключенных. Вызвать должны на пароходе. У меня мысль: «Надо бежать». Я коротко подстриглась, на мне телогрейка, брюки, сапоги, намазалась чем-то грязным. Достали мне документы на имя Чугунова Василия Ивановича. С мужиками догово-

рилась, чтоб меня так представили. И вот, когда в порт входили, заключенные затеяли разговор про игру в футбол с пограничниками. Устроили потасовку. Когда прогоняли, спросили фамилию. «Чугунов Василий Иванович», - ответила я. На пирсе такую же возню организовали. И вот я на пароходе. А прежде я спросила у мужиков: «Со мной ничего не будет?» Знаю, по десять лет бабы не видели. Меня заверили: «Ничего не случится».

Надо сказать, что я большим авторитетом в лагере пользовалась. Знала, если бы чуть слабино дала, по рукам бы пошла. А там бы и оступился и не поддалась. Ломали крепко. Что ни слово против - карцер. И еще один грех был у меня: «карты играла. И выигрывала. Денег, конечно, не было. Но со мной считались. Может, потому и не

больницу. Там, слава богу, все обошлось. Я вернулась к этой женщине и еще полмесяца у нее жила.

А потом поехала в Новосибирск к сестровкам. И тут приезжает мама. Я ей говорю: «Мама, не могу больше жить в страхе. Поеду в Москву правду искать».

Собрала Соську и в дорогу. Ей и месяца не было. А деньги за декрет я приберегла. Приехала в Москву. Думаю, надо в Верховный Совет поехать. Шеринг тогда был. В десять часов открывал приемную. Первым пришел инвалид на костылях, потом старушка, потом я. Заведующая канцелярией спрашивает: «По какому вопросу?» - «По личному». - «По личному Николаи Михайлович не принимает. Обратитесь в Главное управление милиции». Я думаю: «Опять милиция! Мне конец». И пишу записку: «Председателю Верховного Совета. Пропшу принять меня на личный прием, так как пришла по вынужденной голодовке. Имею 10 лет срока. На руках грудной ребенок. Бежала с Колымы». Заведующая то снимет очки, то наденет. Наконец говорит: «Подождите минуточку». И подходит ко мне милиционер: «Поехали». Ну что ж, прыгать-то не буду. Но меня отпускают. Потом выяснилось, что в здании Верховного Совета никто не имеет права арестовывать. Куда дальше? На вокзал. Покормила дочку и думаю: «Надо к генеральному прокурору». Добралась в прокуратуру.

183 31/11/84

Человек ниоткуда

тротали.

Не выношу несправедливости. И слабым защищала. Однажды слышу девочку плачет. «В чем дело?» - «Манька «Москва» приехала, сказала, чтоб я ей свой паек отдала и суп погулице наливала». «Вот что, - сказала я ей тогда строго, - если ты черпаком по голове этой Маньке не дашь, я сама тебя тем черпаком огрею». Подеистовало. И девочка сумела постоять за себя.

Так вот, пароход наш «Джурма» никак не мог отплыть от берега. Поднялся шторм. И «посудина» то отсылает, то причалит вновь. А когда прибыли во Владивосток, я поняла: мне надо отрываться. Села на «пятьсот-веселый», так назывался состав из тележных вагонов, и вперед. На какой-то станции вышла, чтоб пересест, и меня засекли.

- Смотрите, баба. Откуда?
- Освобдилась.
- Документы.
- Какие документы, в дороге украли...

Добралась до Томска, пришла домой. А я уже во всеобщем розыске числюсь. Правда, в лагере не знали, что я на пароходе сбежала.

В конце концов я оказалась в Новосибирске и вышла замуж. И была у уже Смирнова Татьяна Прокопьевна.

И все бы ничего, да надо мне уходило в декрет, а меня все не отпускают. Замены нет. А когда нашли, мне уже рожают поря.

И вот однажды в Томске на танках подходит к моей сестре человек и спрашивает: «Где у вас Тася?» - «На Колыме». - «КГБ все знает и ее все равно возмрут». Сестра побежала на почту и только одно слово в телеграмме: «Уезжай!» Я так напугалась, что в чем была, в том и ушла. Думала, четыре-пять километров как-нибудь дойду до ближайшей деревни, а там видно будет. Но, видимо, от испуга у меня начались роды. Пуговина никак не выходит, я ее перегрызла зубами. Так в поле и родила. А потом еще с километр шла. Полные сапоги криво. Постучала в первую избу: «Милая, помоги. Муж избил, из дома ушла. Вот и родила». Женщина оказалась чуждой, обмыла, холстину дала. Но я кривотечением исхожу. Пришлось все-таки ехать в

записку: «Председателю Верховного Совета. Пропшу принять меня на личный прием, так как пришла по вынужденной голодовке. Имею 10 лет срока. На руках грудной ребенок. Бежала с Колымы». Заведующая то снимет очки, то наденет. Наконец говорит: «Подождите минуточку». И подходит ко мне милиционер: «Поехали».

Ну что ж, прыгать-то не буду. Но меня отпускают. Потом выяснилось, что в здании Верховного Совета никто не имеет права арестовывать. Куда дальше? На вокзал. Покормила дочку и думаю: «Надо к генеральному прокурору». Добралась в прокуратуру.

По какому вопросу?
- По личному.
- По личному генеральный прокурор не принимает.
Куда теперь? В МВД.
- По какому вопросу?
- По личному.

Приходит человек в погонах. Слушает. Я все ему рассказываю, как есть, без утайки. И Соську не отпускаю ни на минуту. А в заключение заявлю: «Я теперь из Москвы не уеду, пока не найду правды».

Он говорит: «Минуточку», - и вызывает охрану. И везут меня в Бутырку. По Бутырке слух - сама приехала, с повинной. Вызывают меня на допросы, я все рассказываю. А сама думаю: «Надо письмом Сталину написать». Даю надирательнице 100 рублей: «Тетя Шура, опусти письмо». И она опускает.

Прошло 3 месяца. Вызывают в суд. Я опять все рассказываю. Защища так себе, на себя надеяться надо. Дают последнее слово. Я пропущу одним, чтобы ребенка со мной оставили, хотя бы до шести лет, а по закону полагалось только до двух. Суд удалился на совещание. И вот уже вечер, а результата никакого. Вижу: начальница тюрьмы в суд пошла, о чем-то говорит.

Меня опять в камеру. В 12 часов ночи будит: «Ребенка оставь, собирайся». Я все побелела: «Без ребенка не пойду». На выходе - машина «Победа». Садят меня в нее и на Лубянку-2. «Тебе выпала большая честь, поехать к министру внутренних дел генерал-полковнику Круглову. Веди себя получше».

Приехали. Зашли в кабинет.

Сидят министр и его заместитель (позже узнала) по фамилии Серов. Я спрашиваю: «Можно ребенка на диван положить?» - «Пожалуйста», - встали подошел к дивану генерал.

Ну, значит государственному деятелю ваша дочь будет, коль в таком возрасте в правительство попалась.

Тут звонок: «К третьему подъезду подошла машина ответственного работника ЦК».

Пропустить.

И снова начался долгий разговор.

«Как вы относитесь к Советской власти?» - «А при чем тут Советская власть? Если бы знала, два дюбу каждого заключенного; то столько бы злов не было». «Молодец, язык правильно подвешен». - «Что же ты жмешь от суда?» - «10 лет отсидки. Только если бы и была осуждена не по политической статье, я бы

уже освободилась...». «Хорошо, мы подумаем, как решить ваш вопрос».

А меня - снова в Бутырку.

Проходит день, два, начальник мне и говорит: «Числился бы за следователем, я бы поинтересовался. Но не могу же министру звонить».

Наконец меня вызвали. Я ни жива, ни мертва.

Поздравляю вас, товарищ, - говорит начальник тюрьмы. - Вы свободны. Чем помочь?

Мне ничего не надо, только дайте пеленок на дорогу.

Привезли меня на вокзал и посадили в поезд.

М

как закончилась моя московская эпопея. Но связь мне не прервалась. Знаете, что самое тяжелое для заключенного? Оказаться на свободе под подозрением. Я потом не раз сравнивала - в тюрьме лучше, там все равны. Мне всегда везло на хороших людей. В коллективах, где я работала, мне доверяли. Но милиция держала «на мушке». Сразу после того, как я приехала из Москвы и устроилась на завод резиновой обуви, где мне дали угол, заготовил с проверками. То паспорт покажи, то как поживаешь. А мне не до них, я полгода в ночь работала, чтоб днем с дочкой быть. Тяжеленные катки резиновые катала, на 32 кг походуле и кровью начала харкать - впрочем, это уже другая страничка биографии. И в это время меня вызывают в районное отделение милиции. «Тебе Советская власть много дала, ты должна нам помогать». Я сажусь и пишу письмо Серову: «Так, мол, и так, спасибо, что выручили. Но склоняю меня к пособничеству». После этого в милиции извинились и отстали. Много лет спустя мы, будучи с Соней в Москве, у Серова в гостях побывали.

И у Сергея Сергеевича Смирнова - писателя - были. Я успела по радио отрывки из его книжки, на писала ему. А он отвечает: «Будете в Москве, заходите». И я, когда такой случай представился, взяла две бутылки коньяка и к нему: «У нас, чалдовом, так. Со своим полагается». Он нам с Соней свою книжку подарил: как - никак и он, и мы - Смирновы.

А о думаете, безоблачно в дальнейшем моя жизнь протекала? Ничего подо-

и, когда на пенсию вышла, тапочки начала шить, да по «пятёрке» продавать. Это чтоб Соня моей помочь. Она вышла замуж рано и в хорошую семью пошла. Я тогда будущему ее мужу все про себя рассказала, чтобы недоговоренностью не было. А она, когда уже двоих родила и дети подростки, кандидатскую затеяла защищать. Я и взылась за тот промысел. Все же в аспирантуру деньги небольшие. Она, когда запиталась, мне сказала: «Мама, половина кандидатской - твоя». «А как же, - согласилась я, - вся техническая часть - моя». И другим детям помогла. Мы живем с дедом 25 лет - у меня Соня, а у него трою остались. Я тогда сказала: «Мамой меня не зовите. Если заслужу, вы меня и как тетю Тасю уважать будете». У нас хорошие отношения с детьми сложились.

Ну а постановление о реабилитации, вот их два, не знаю, как к ним и относиться...

И

поминание об этой истории я слышала мелком не однажды. Как-то случайно поделалась ею и Софья Леонидовна Катагухина, дочь Таисии Дмитриевны Смирновой. Так появилось желание встретиться с этой незаурядной женщиной.

Конечно, ее судьба достойна большого полотна. Это судьба целого поколения. И, возможно, когда-нибудь получат литературное обращение три толстые тетради, исписанные мелким почерком, тем более что все в них без прикрас.

А мне бы хотелось остановиться на одной детали. Помните, генерал-полковник МВД прощил совсем юной Софье государственное будущее? В какой-то степени это так и случилось. Софья Леонидовна была депутатом областного Совета, работала в его аппарате, а недавно баллотировалась в состав областной Думы. Я готовила этот материал накануне выборов, и он мог бы ей помочь в борьбе за голоса. Но любящая дочь своей любимой матери ответила на это достойно: «Не все на продажу». Я это оценила.

Нина ГУБСКАЯ.
Фото Евгения ЛИСИЦИНА.

Работала я в торговле. Сначала в столовой, затем заведующей складом. Я про себя знала, что к моим рукам чужое не прильнет. Никогда не брала и другим не давала. И тут выходит постановление: тем, кто имел раньше срок, в торговле работать не полагается. Приезжает деятель из министерства, некий Костюков. Меня надо освободить от работы. Я пишу письмо в газету «Известия»: «Если действительно так надо, я из торговли уйду и доработаю хоть на стройке, но честно». А Костюкову заявила: «Если я добьлась права на свободу, то на труд уж лобюсь».

Через некоторое время приезжает ко мне Е. Д. Розанова, корреспондент «Известий», и в «Известиях» появляется большая статья в мою защиту. Оказывается, перепутал все Костюков, представив меня расфуфыренной дамой в дорогой дохе, кушечной на явню воробанье деньги. Елена Дмитриевна тогда долго расспрашивала меня про эту доху.

и, когда на пенсию вышла, тапочки начала шить, да по «пятёрке» продавать. Это чтоб Соня моей помочь. Она вышла замуж рано и в хорошую семью пошла. Я тогда будущему ее мужу все про себя рассказала, чтобы недоговоренностью не было. А она, когда уже двоих родила и дети подростки, кандидатскую затеяла защищать. Я и взылась за тот промысел. Все же в аспирантуру деньги небольшие. Она, когда запиталась, мне сказала: «Мама, половина кандидатской - твоя». «А как же, - согласилась я, - вся техническая часть - моя». И другим детям помогла. Мы живем с дедом 25 лет - у меня Соня, а у него трою остались. Я тогда сказала: «Мамой меня не зовите. Если заслужу, вы меня и как тетю Тасю уважать будете». У нас хорошие отношения с детьми сложились.

Ну а постановление о реабилитации, вот их два, не знаю, как к ним и относиться...

И

поминание об этой истории я слышала мелком не однажды. Как-то случайно поделалась ею и Софья Леонидовна Катагухина, дочь Таисии Дмитриевны Смирновой. Так появилось желание встретиться с этой незаурядной женщиной.

Конечно, ее судьба достойна большого полотна. Это судьба целого поколения. И, возможно, когда-нибудь получат литературное обращение три толстые тетради, исписанные мелким почерком, тем более что все в них без прикрас.

А мне бы хотелось остановиться на одной детали. Помните, генерал-полковник МВД прощил совсем юной Софье государственное будущее? В какой-то степени это так и случилось. Софья Леонидовна была депутатом областного Совета, работала в его аппарате, а недавно баллотировалась в состав областной Думы. Я готовила этот материал накануне выборов, и он мог бы ей помочь в борьбе за голоса. Но любящая дочь своей любимой матери ответила на это достойно: «Не все на продажу». Я это оценила.

Нина ГУБСКАЯ.
Фото Евгения ЛИСИЦИНА.